

В. Б. Кобрин

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Глава I

НАЧАЛО

Наследство

Ребенок в шапке Мономаха

Царь и великий князь

"Вниде страх в душу мою"

Избранная рада

Десятилетие реформ

Кто же правил страной?

Разбуженное общество

НАСЛЕДСТВО

Чтобы понять деятельность Ивана IV, надо знать, какую страну он получил в наследство, когда в 1533 году трехлетним ребенком вступил на престол и стал государем великим князем всея Руси.

К исходу первой трети XVI века Россия была большой страной, но все же намного меньше, чем в последующее время. На западе пограничной областью была Смоленская земля, да и то она совсем недавно, в 1514 году, была отвоевана у Великого княжества Литовского. На юго-западе только начинали заново осваивать районы вокруг Орла, Курска, Тулы. Калуга была пограничным городом. Дальше простиралось Дикое поле - степь, находившаяся под постоянной угрозой нападения крымского хана. На востоке Россия кончалась Нижегородским и Рязанским уездами. Трудно себе представить, что еще не только не было ни Тамбова, ни Пензы, ни Саратова, но и их округа еще не входила в состав России. На востоке с Россией граничили Казанское и Астраханское ханства. Лишь на севере рубежи страны, как и сейчас, доходили до Ледовитого океана, до Белого моря. На северо-западе в руках России было и побережье Финского залива, в том числе те места, где теперь стоит Ленинград. Петру I пришлось лишь отвоевывать то, что было потеряно в конце XVI - начале XVII века.

Это государство уже было единым, но объединение русских земель закончилось лишь недавно. К 1533 году со времени присоединения Новгородской земли к единому государству прошло немногим более полувека (для средневековых темпов жизни срок совсем небольшой), меньше полувека - от присоединения Твери (а до того уже Клин был зарубежьем!). Всего за 12 лет до вступления Ивана IV на престол потеряла самостоятельность Рязань.

Политическое объединение было отнюдь не равнозначно централизации. Сохранялось живое и красочное разнообразие жизненных укладов в разных землях. Эту ситуацию гениально точно отразили наши великие архитекторы Барма и Постник в соборе Покрова "что на рву" (чаще его называют храмом Василия Блаженного) на Красной площади: мощный центральный шатер объединяет восемь разнообразных главков. Каждая из них неповторима, но все вместе они составляют нерасторжимое единство. Так, быть может, интуитивно в художественной форме воплотилось сочетание политического единства с сохранением особенностей отдельных земель, то, что В.И. Ленин называл *"живыми следами прежней автономии"* *.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 153.

Церковный писатель рубежа XV-XVI веков Иосиф Волоцкий, говоря о Василии III (отце Ивана IV), как-то назвал его *"всея Русский земля государем государь"*. Разумеется, в этом определении содержится и обыкновенная лесть: великий князь предстает своего рода "царем царей", таким шахиншахом. Но вместе с тем эта формулировка отражала и истинное положение вещей: под верховной властью государя всея Руси сохраняли свою долю власти многие "государы" рангом ниже. Князья многих из тех территорий, что вошли в состав единого государства, владели обломками своих прежних княжеств как вотчинами, сохраняли частички своей былой власти.

Василий III

Но жизнь брала свое, и черты прошлого постепенно бледнели. Представим себе одного из таких князей. От его былого удела (части княжества) у него осталось два села с двумя-тремя десятками деревень. Был ли он врагом централизации? Нет. После присоединения княжества к Москве он женился на московской боярышне и получил в приданое вотчины на старой территории Русского государства, далеко за пределами своего родового гнезда. Еще в нескольких уездах он прикупил вотчины, вдобавок благодаря своим связям и положению ему удалось получить бесплатно поместье еще в одном уезде. Такой князь постепенно превращался в обычного, хотя и богатого и знатного, московского служилого человека. Вотчина в былом родовом гнезде составляла теперь лишь небольшую часть его владений. В конце XV - первой трети XVI века русский господствующий класс интенсивно перемешивается. Феодалы из разных частей страны перемещаются, получают вотчины и поместья в новых местах. Постепенно складывается единый общерусский класс феодалов. Впрочем, в первой трети XVI века этот процесс только начался.

Да и вообще до централизации было далеко. Ведь не существовали еще центральные отраслевые правительственные учреждения - приказы. Только чуть-чуть намечалась специализация на тех или иных вопросах управления государевых "дьяков" - незнатных чиновников. Это была только тенденция, каждый дьяк занимался разнообразными делами.

Архаичной и неуклюжей была система местного управления. На местах власть принадлежала *наместникам* и *волостелям*. Они были *кормленщиками*: получали уезды (наместники) или их части - волости и станы (волостели), как тогда говорили, в *кормление*. Это означало, что кормленщику полагалась определенная часть податей с его уезда или волости. Кроме того, в его пользу шли судебные, пошрины. Но этим вознаграждалась не административная и судебная деятельность наместника или волостеля. Ведь само кормление было наградой или платой за прежнюю военную службу. Получал его служилый человек раз в несколько лет. Потому-то к своим прямым административным и судебным обязанностям кормленщики относились спустя рукава. Подчас наместники передоверяли свои функции своим *холопам*, а сами уезжали домой и спокойно занимались хозяйством. Сложилась парадоксальная ситуация: в феодальном государстве реальная власть на местах оказывалась подчас в руках холопов.

Да и в получении кормлений не было порядка. Вероятнее всего, чтобы получить кормление, надо было дать взятку распределявшему их *дьяку*. Если же взятку не хотелось давать, могла возникнуть ситуация, в которой уже при Иване IV оказался один служилый человек - Суббота Стромиллов-Шолохов. Он рассказывал, за что побывал в тюрьме: *"Бил есмь челом царю государю о кормленье, и доуки моей было государю много, и про то меня в опальную тюрьму не одиножда посылавали - пятья и шестья (пять-шесть раз.- В. К.) Да таки есьми у государя кормленья добился!"*

Власть великого князя была достаточно суровой. Он мог *"за непригожие речи"* о себе приказать отрубить голову любому. Так был казнен придворный Василия III Берсень Беклемишев, который в беседе с выезджим с Афонской горы монахом Максимом Греком жаловался, что государь *"встречи (возражений.- В. К.) против себя не любит"*. Раз, когда Беклемишев осмелился дать совет Василию III, тот ему сказал: *"Пойди, смерд, прочь, не надобен ми еси"*. Но эта суровая власть была на самом деле слаба, ибо у нее не было своего аппарата, а потому ни один закон никогда до конца, полностью не выполнялся. Ведь кормленщики - еще не аппарат власти. Вопрос о централизации стоял на повестке дня. Его и предстояло решать в середине - второй половине XVI века.

Пережитком прошлого были и существовавшие еще удельные княжества, полусамостоятельные государства. К концу княжения Василия III их осталось всего два; принадлежали они младшим братьям великого князя: Юрию, владевшему Дмитровом и Звенигородом, и Андрею, в удел которого входили Старица в Тверской земле и Верея на юго-западе.

Братья - удельные князья тем более беспокоили Василия III, что у него долго не было наследника. Брак его с Соломонией Юрьевной из боярского рода Сабуровых оказался неудачным: у супругов в течение 20 лет не было

детей. Великий князь и его княгиня и на богомолье ездили постоянно, и ко всем возможным чудотворным иконам прикладывались. Все напрасно. В конце концов Василий III решился на неслыханный поступок - развод.

Официальные летописи, льстивые и придворные, описывают развод великокняжеской четы в слезливо-сентиментальных тонах. В одном из текстов можно прочесть, как на охоте государь видит гнездо с птенцами, и глаза его увлажняются слезами: у птицы, мол, птенчики, а у меня - нет. Плачут, глядячи на великого князя, бояре, плачет и великая княгиня и просит отпустить ее в монастырь. Еще пуще плачет государь, не желающий расстаться с супругой... Не плачет лишь митрополит Даниил, который сурово поучает: *"Неплодную смоковницу посекают и измещут из вертограда"*.

На самом же деле, судя по другим источникам, не зависимым от официальной версии, мы знаем, что хотя слез и вправду было много, но все они текли из глаз только одного человека - Соломонии. Она отказалась идти в церковь для пострижения. Приведенная туда насильно, растоптала монашескую одежду, не стала произносить монашеский обет, криком заглушала слова женщины, произносившей обет за нее. Тогда приближенный Василия III Иван Юрьевич Шигона-Поджогин ударил великую княгиню плетью, чтобы она замолчала. Бывшую государыню, ставшую "старницей Софьей", отвезли в Суздаль, в Покровский женский монастырь *, который с тех пор стал традиционным местом заточения постылых жен русских монархов. Впоследствии его невольной постоялицей была первая жена Петра I Евдокия Лопухина.

* Не подтверждается сообщение одного позднего летописца, что до Суздала Соломония провела пять лет в Каргополе.

В монастыре Соломония не смирилась и даже распускала слухи, что ее будто постригли беременной, что в монастыре она родила сына. Проведенное тогда же расследование не подтвердило этого невероятного происшествия: рождения сына после 20 лет бесплодного брака. Тем не менее и сегодня эту придворную сплетню усиленно гальванизируют падкие до сенсаций дилетанты.

Новой женой Василия III стала княжна Елена Васильевна Глинская - молодая красавица. Недаром летописец прямо говорит, что государь прельстился красотой ее лица и фигуры (женился *"лепоты ради ея лица и благообразия возраста"*). Происходила княжна Елена из своеобразной семьи. Заинтриговывает уже родословная легенда князей Глинских. Рассказывали, что после того, как разбитый на Куликовом поле Мамай погиб в борьбе со своим соперником Тохтамышем, сыновья свергнутого правителя Орды бежали в Великое княжество Литовское, крестились, получили в удел город Глинск и стали князьями Глинскими. Если легенда верна, то получается, что Иван IV был одновременно потомком Дмитрия Донского и Мамаю.

Отец княжны - Василий Львович Глинский ничем выдающимся себя не прославил. Зато дядюшка молодой великой княгини Михайло Львович был одним из самых блестящих авантюристов Европы XVI века. В молодости князь Михайло перешел из православия (Глинские были традиционно православными) в католичество, получил образование в одном из европейских университетов и стал дипломированным врачом. Но медицинская карьера была не для князя; Михайло Львович стал рыцарем Германской империи, успешно сражался в войсках саксонского курфюрста, воевал и где-то в Испании. Его личными друзьями были магистр Тевтонского ордена Фридрих и сам великий князь литовский и король польский Александр Казимирович. При короле Александре Глинский был фактически правителем Великого княжества Литовского. Православные литовские феодалы - русские и белорусские считали его, несмотря на католичество, своим вождем.

В 1506 году король Александр умер, на престол вступил его младший брат Сигизмунд, и влияние Глинского кончилось. Он превратился в одного из многих литовских князей. С таким падением Михайло Львович не мог смириться. В 1508 году князь возглавил восстание русских, украинских и белорусских феодалов против Великого княжества Литовского, за воссоединение с Россией. Русским войскам не удалось пробиться на соединение с восставшими, мятеж был подавлен. Обширный клан Глинских и приближенные к ним феодалы - вожди восстания бежали на Русь. Среди новых подданных Василия III была и маленькая (лет двух) княжна Елена.

В Москве Михаило Глинский стал одним из тех, кто руководил русской внешней политикой на западном направлении. Ведь его имя оставалось знаменем для православных феодалов Украины, Белоруссии и Смоленщины, у него были давние личные контакты с видными деятелями и Великого княжества Литовского, и Германской империи, и Тевтонского (Ливонского) ордена. Велика была роль Глинского в том, что в 1514 году удалось отвоевать у Великого княжества Литовского Смоленскую землю. Но князя подвело честолюбие. Ходили слухи, что он рассчитывал стать не подданным, а лишь вассалом Василия III, князем (или даже герцогом) смоленским. Когда же оказалось, что великий князь и не думает превращать Смоленщину в новое удельное княжество, Глинский совершил новый поворот в своей политической карьере: вступил в тайные переговоры со своим еще вчера злейшим врагом королем Сигизмундом и попытался бежать в стан противника. По дороге его поймали, в оковах привезли в Москву и приговорили к смертной казни. И тут князь Михайло вспомнил, что был рожден в православии и пожелал умереть в вере предков. За *"новоприсоединенного"* к православию *"печаловался"* митрополит и его *"от казни взял"*. Глинского помиловали, но оставили в тюрьме. Дважды посол Германской империи барон Герберштейн передавал великому князю личную просьбу императора: освободить имперского рыцаря князя Глинского и

отпустить в Германию. Тщетно. Но то, что не удалось императору и его послу, сумела сделать красивая племянница. Дядя государыни был не только освобожден, но занял почетное место при дворе, стал снова одним из советников Василия III.

В новом браке первое время опять не было детей. Только через четыре года Елена наконец родила первенца - Ивана. Радость государя не поддавалась описанию. В подмосковном великокняжеском селе Коломенском в честь рождения наследника была построена великолепная церковь Вознесения. В далеком Кирилло-Белозерском монастыре воздвигли церковь Иоанна Предтечи, небесного патрона новорожденного. Неподалеку оттуда, в Ферапонтове монастыре, по этому же случаю создали церковь с удивительным, даже, пожалуй, кощунственным, с точки зрения христианина, названием - церковь Благовещения. Вспомним, что Благовещение - это посланная деве Марии "*благая весть*" о предстоящем рождении Иисуса Христа. А родился-то всего лишь сын великого князя. В Новгороде по повелению архиепископа Макария был отлит огромный колокол. Впоследствии в нем видели даже некую примету будущего характера младенца: ведь звук его "*яко страшной трубе гласящи*"... Итак, ликуй, Россия, дождалась: Иван Грозный родился!

Вскоре Елена родила и второго сына - Юрия. Он оказался глухонемым, а поскольку в те времена еще не умели развивать таких детей - обреченным на умственную неполноценность, был, как тогда говорили, "*умом прост*".

РЕБЕНОК В ШАПКЕ МОНОМАХА

Всего три года было будущему Ивану Грозному, когда внезапно тяжело заболел его отец. Болезнь поначалу была пустяковой - царапина. Но царапина стала нарывать, нарыв перешел в карбункул, а дальше (ведь антисептики еще не знали) - общее заражение крови, сепсис. И 54-летний великий князь, только вчера еще "*тешившийся*" охотой, умер, успев перед смертью благословить старшего сына на великое княжение. Впоследствии Иван IV очень гордился тем, что он монарх всю свою жизнь, что не помнит даже, как его "*батюшка пожаловал благословил государством*".